

УДК 338.1

44. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РЫНОК ТРУДА И МАЛЫЙ БИЗНЕС

Махров В.М., Василевская М.В.

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Жилинская Н.Н. – канд. эконом. наук

Аннотация. В статье рассмотрена экономика совместного потребления как форма организации деятельности на базе цифровых платформ. Проанализированы сущность платформенной модели, факторы её становления и влияние на рынок труда. Особое внимание уделено развитию платформенной экономики в Беларуси: анализу крупных платформ, их воздействию на занятость, малый бизнес и конкурентную среду. Рассмотрены проблемы регулирования, институциональные ограничения и риски рыночной концентрации. Оценены меры госрегулирувания. Сформулированы перспективы развития и направления совершенствования нормативного регулирования.

Ключевые слова. Экономика совместного потребления, платформенная экономика, цифровые платформы, маркетплейсы, квазимонополия, платформенная занятость, алгоритмическое управление, электронная коммерция, малый бизнес, сетевые эффекты, цифровизация, финансовые экосистемы, государственное регулирование.

Экономика совместного потребления (sharing economy) представляет собой современную форму организации экономической деятельности, основанную на цифровых платформах, обеспечивающих прямое взаимодействие между пользователями — поставщиками и потребителями ресурсов, услуг или труда. Данный феномен рассматривается как часть более широкого процесса трансформации экономической системы под воздействием цифровизации и распространения платформенных бизнес-моделей.

Сущность экономики совместного потребления заключается не столько в самом факте совместного использования ресурсов, сколько в институционализации и коммерциализации данного процесса. Современные практики sharing economy представляют собой «ранние проявления будущего, в котором обмен между равными (peer-to-peer) становится все более распространённым, а «толпа» заменяет корпорацию в центре капитализма»[1]. Таким образом, происходит смещение центра экономической активности от традиционных иерархических организаций к децентрализованным сетям пользователей.

Несмотря на терминологическую отсылку к совместному потреблению, данная модель не предполагает безвозмездного обмена. Напротив, она функционирует в рамках рыночной системы и основана на денежных транзакциях: «ни один из этих сервисов не предоставляется бесплатно... вы платите поставщику, который делится с вами, и получаете оплату, предоставляя услугу»[1]. Это позволяет характеризовать экономику совместного потребления как гибридную форму, сочетающую элементы традиционного рынка и неформальных практик обмена.

Возникновение данной модели обусловлено совокупностью факторов, среди которых ключевыми являются цифровизация, развитие мобильных технологий и распространение платформенных бизнес-моделей. Цифровые технологии существенно снизили транзакционные издержки и расширили масштабы экономического взаимодействия. Если ранее обмен между частными лицами был ограничен локальными социальными связями, то в настоящее время он осуществляется в рамках глобальных цифровых сетей. В этой связи отмечается, что «технологии расширяют экономическое сообщество далеко за пределы семьи или друзей... до цифрово верифицированной части населения»[1].

Развитие мобильных приложений обеспечило постоянный доступ к платформам и возможность оперативной координации спроса и предложения. Это привело к формированию экономики мгновенного доступа (on-demand), в которой владение активами уступает место их временному использованию. Особенно ярко это проявляется в секторах транспорта, аренды жилья и услуг.

Фундаментальным элементом является платформенная модель бизнеса. Платформы выступают не как производители, а как посредники, организующие взаимодействие между различными группами пользователей. В рамках данной модели «платформы представляют собой цифровые инфраструктуры, которые позволяют взаимодействовать двум или более группам... они позиционируют себя как посредники, объединяющие различных пользователей»[2]. Основным ресурсом становится не физический капитал, а данные и механизмы их обработки.

Платформы функционируют как многосторонние рынки, извлекая прибыль за счёт комиссий, монетизации данных и дополнительных сервисов. Их конкурентное преимущество основано на сетевых эффектах, при которых увеличение числа пользователей повышает ценность платформы для каждого участника. Это способствует высокой концентрации рынка и формированию доминирующих игроков.

К основным принципам функционирования цифровых платформ относятся посредничество и координация взаимодействия между участниками, децентрализация предложения за счёт вовлечения частных лиц, алгоритмическое управление процессами, использование репутационных механизмов

(рейтингов и отзывов), а также гибкость занятости, предполагающая нерегулярный и временный характер участия.

Несмотря на ряд преимуществ, включая повышение эффективности использования ресурсов, снижение барьеров входа и расширение потребительского выбора, экономика совместного потребления сопровождается структурными ограничениями. Усиливается зависимость участников от платформ, контролирующих доступ к рынку и условия взаимодействия. Высокая конкуренция между поставщиками приводит к давлению на цены и снижению доходов, особенно в сегменте малого бизнеса. Одновременно формируется нестабильная занятость, лишённая традиционных социальных гарантий.

Таким образом, экономика совместного потребления представляет собой не только технологическую инновацию, но и институциональное преобразование, затрагивающее базовые механизмы функционирования рынка труда и предпринимательства. Её развитие связано с переходом к платформенному капитализму, в котором ключевое значение приобретают данные, цифровая инфраструктура и контроль над сетевыми эффектами.

Развитие платформенной экономики в Беларуси характеризуется высокой степенью концентрации рынка вокруг крупных транснациональных цифровых платформ, прежде всего в сферах транспорта и электронной коммерции. Наиболее показательными примерами являются сервисы Yandex Go и Wildberries, которые формируют институциональную среду для занятости, потребления и функционирования малого бизнеса.

Одной из ключевых особенностей белорусского рынка является доминирование отдельных платформ, что приводит к формированию квазимонопольных структур. В сфере пассажирских перевозок отмечается, что «объём Яндекс-Такси (он же Яндекс Go) на рынке в Беларуси оценивался в 90% в 2024 году»[3]. Такая концентрация существенно ограничивает конкуренцию и усиливает зависимость работников и малого бизнеса от одной платформы.

Платформенная модель занятости, реализуемая через Yandex Go, трансформирует традиционные трудовые отношения. Формально водители не являются наёмными работниками, что позволяет платформе минимизировать обязательства. Это выражается в следующем: «без официального трудоустройства... у водителя нет большинства трудовых гарантий, среди которых оплачиваемый отпуск, больничные, минимальный заработок»[3]. Таким образом, происходит институциональное размывание трудовых отношений и перенос рисков с работодателя на работника.

Ключевую роль в управлении трудом играют алгоритмы, определяющие распределение заказов и уровень дохода. При этом их непрозрачность становится источником асимметрии информации: «формирование цены за поездку происходит на платформе. Её алгоритмы являются непрозрачными и остаются загадкой для большинства водителей»[3]. Это означает, что работники фактически лишены возможности прогнозировать доход и влиять на условия труда.

Дополнительным инструментом контроля выступают рейтинговые системы и механизмы санкций. Они формируют зависимость работников от оценок пользователей и алгоритмических решений платформы. В частности, «при низком рейтинге... существуют санкции: меньше выгодных заявок... или даже блокировка»[3]. Это усиливает дисциплинарную функцию платформы, заменяя традиционные формы менеджмента алгоритмическим контролем.

Важным следствием является рост конкуренции между самими работниками, что ведёт к снижению доходов. Платформа искусственно усиливает конкуренцию, используя внутренние механизмы распределения заказов: «количество заказов... и заработок водителя зависит от уровня конкуренции на линии»[3]. В результате формируется ситуация, при которой увеличение числа участников приводит не к росту эффективности, а к перераспределению дохода в пользу платформы.

Несмотря на отдельные попытки государственного регулирования, их эффективность остаётся ограниченной. В частности, введение реестра перевозчиков и признание платформы монополистом направлены на формализацию рынка: «в октябре 2024 Министерство... признало Яндекс монополистом... включая обязанность... не допускать монопольно высоких или монопольно низких цен»[3]. Однако фактическое влияние этих мер на положение работников остаётся незначительным.

Параллельно развивается сегмент электронной коммерции, где ключевую роль играют маркетплейсы, прежде всего Wildberries. Их влияние проявляется в трансформации структуры розничной торговли и изменении поведения потребителей. Отмечается рост масштабов онлайн-торговли: «в 2025 году количество пунктов выдачи заказов Wildberries в Беларуси выросло на 30%»[4]. Это свидетельствует о расширении инфраструктуры платформ и проникновении в региональные рынки.

Одновременно фиксируется увеличение числа продавцов и оборотов: «количество зарегистрированных поставщиков из Беларуси выросло на 17,2%... продажи товаров белорусского производства... увеличились на 44%»[4]. Это указывает на вовлечение малого бизнеса в платформенную экономику и использование маркетплейсов как канала сбыта.

Однако развитие маркетплейсов сопровождается рядом негативных эффектов. Во-первых, усиливается зависимость продавцов от платформ, которые контролируют доступ к аудитории и условия торговли. Во-вторых, наблюдается вытеснение традиционных форм торговли и независимых интернет-магазинов. Государственные органы фиксируют структурные изменения спроса: «доля реализации

отечественных товаров просела на 12,7 процентного пункта»[4], что частично связано с доминированием крупных платформ и иностранных товаров.

В-третьих, возникают проблемы качества и регулирования. Так, «в работе площадки нашли ряд нарушений... отсутствует информация об изготовителе»[4], а также фиксируется рост числа жалоб: «в 2023 году было зарегистрировано 2000 обращений... в 2024-м — уже 1000»[4]. Это свидетельствует о недостаточной прозрачности и контроле со стороны платформ.

Отдельного внимания заслуживает направление развития маркетплейсов, связанное с их постепенной трансформацией из торговых посредников в самостоятельные финансово-технологические экосистемы. Наиболее показательные процессы в данном направлении наблюдаются в России, где крупнейшие платформы активно расширяют контроль над платежной инфраструктурой и финансовыми потоками.

В частности, фиксируется тенденция к внедрению собственных платёжных решений и стимулированию пользователей к их использованию. Как отмечается, маркетплейсы стремятся замкнуть расчёты внутри своих экосистем, предлагая скидки и иные экономические стимулы при оплате через внутренние сервисы, что позволяет им снижать зависимость от традиционного банковского сектора и перераспределять финансовые потоки в свою пользу [11]. Это приводит к конфликту интересов между платформами и банками, поскольку последние теряют часть комиссионных доходов и контроль над транзакциями.

Дополнительно подчеркивается, что усиление роли цифровых платформ в финансовой сфере становится предметом внимания государства. В рамках обсуждения на уровне экономической политики отмечается необходимость выработки подходов к налогообложению и регулированию подобных экосистем, поскольку они начинают выполнять функции, выходящие за рамки классической электронной торговли [10]. Таким образом, маркетплейсы трансформируются в многофункциональные цифровые структуры, сочетающие торговые, логистические и финансовые сервисы.

Замыкание платежных потоков внутри маркетплейсов ведёт к перераспределению финансовой власти в пользу платформ. Контроль над транзакциями обеспечивает доступ к данным о поведении пользователей, структуре спроса и финансовых потоках, что усиливает информационное преимущество платформ и позволяет им управлять ценами, ранжированием товаров и условиями доступа к рынку. В результате маркетплейс получает возможность одновременно выступать посредником и фактическим регулятором внутри собственной экосистемы.

Снижение роли традиционных банковских институтов приводит к деформации финансового рынка, поскольку утрата комиссионных доходов и клиентского взаимодействия ограничивает возможности банков по развитию собственных сервисов и снижает их конкурентоспособность. В долгосрочной перспективе это способно ослабить банковскую систему как ключевой элемент финансовой инфраструктуры, особенно в сегменте розничных платежей [11].

Одновременно усиливается зависимость продавцов и потребителей от конкретной платформы, поскольку концентрация расчётов, логистики и продвижения товаров внутри одной экосистемы делает выход из неё экономически затруднительным. Это повышает барьеры смены платформы и ограничивает реальную конкуренцию, формируя эффект привязки пользователей к инфраструктуре маркетплейса.

Контроль над платежными механизмами также создаёт предпосылки для дискриминационных практик, при которых платформа может предоставлять более выгодные условия для внутренних способов оплаты или аффилированных участников, тем самым искажая рыночные механизмы конкуренции. Ограниченная прозрачность алгоритмов усиливает данные риски и затрудняет внешний контроль.

Усиление роли маркетплейсов в финансовой сфере усложняет государственный контроль за денежными потоками и налогообложением, поскольку платформы начинают выполнять функции, сопоставимые с банковскими, не подпадая под аналогичные требования регулирования. Это формирует необходимость разработки новых институциональных подходов, учитывающих специфику цифровых экосистем [10].

В контексте Беларуси данные процессы могут рассматриваться как вероятный сценарий развития платформенной экономики. С учётом высокой зависимости внутреннего рынка от транснациональных платформ существует риск переноса аналогичных моделей, при которых маркетплейсы будут усиливать контроль не только над торговыми операциями, но и над платежной инфраструктурой. Это может привести к дальнейшей концентрации экономической власти, снижению роли национальных финансовых институтов и усилению асимметрии между платформами и другими участниками рынка.

Таким образом, платформенная экономика в Беларуси оказывает комплексное влияние на рынок труда и малый бизнес. С одной стороны, она расширяет возможности занятости и доступа к рынкам, снижает барьеры входа и способствует развитию электронной коммерции. С другой стороны, формируется зависимость от платформенной инфраструктуры, усиливается давление на цены и доходы, а также происходит институциональная эрозия трудовых гарантий.

В долгосрочной перспективе наблюдается тенденция к концентрации экономической власти в руках платформ, что требует более системного регулирования. Без него платформенная экономика рискует закрепить модель асимметричных отношений, в которой основные выгоды аккумулируются у платформ, тогда как риски и издержки распределяются между работниками и малым бизнесом.

Формирование платформенной экономики в Беларуси сопровождается попытками институционального оформления и правового регулирования цифровых платформ, однако действующая нормативная база носит фрагментарный и реактивный характер. Регулирование преимущественно сосредоточено на отдельных секторах (в частности, пассажирские перевозки и электронная коммерция), тогда как комплексного подхода к платформенной занятости и цифровым посредникам не сформировано.

Одним из наиболее показательных направлений государственного вмешательства является регулирование рынка такси и агрегаторов. В ответ на стремительный рост платформенных сервисов была введена система обязательной регистрации участников рынка. Законодательно закреплено, что «с 1 ноября прошлого года в Беларуси работает реестр нерегулярных перевозчиков: те, кто не состоит в нем, считаются "вне закона"»[5]. Данная мера направлена на легализацию рынка, повышение налоговой прозрачности и усиление контроля за деятельностью водителей и платформ.

Реестр включает не только водителей, но и транспортные средства, диспетчеров и платформенных посредников, что фактически означает институционализацию всей платформенной экосистемы. При этом доступ к рынку становится зависимым от выполнения формальных требований: «в реестр включаются сведения об автомобильных перевозчиках... для включения... требуется пройти очное обучение»[5]. Таким образом, государство стремится трансформировать гибкую платформенную занятость в более формализованную модель.

Однако введение данных мер привело к ряду негативных последствий. Ограничение доступа к рынку сократило предложение услуг и вызвало рост цен: «это привело к сокращению численности доступного парка такси»[5]. В результате регулирование, направленное на упорядочивание отрасли, фактически снизило её эффективность и доступность для потребителей.

Дополнительной проблемой стало усиление административного давления на участников рынка. Исключение платформ из реестра фактически означает их запрет: «электронная информационная система заказа такси Maxim была исключена из реестра... по причине нарушения законодательства»[6]. Это демонстрирует высокую степень регуляторного контроля, при которой государство может напрямую влиять на структуру рынка.

В то же время регулирование не затрагивает ключевые аспекты платформенной экономики — алгоритмическое управление и распределение доходов. Несмотря на признание доминирующего положения отдельных платформ, механизмы контроля за их внутренними процессами остаются ограниченными. Отмечается, что даже при формальном признании монополии «включая обязанность... не допускать монопольно высоких или монопольно низких цен»[3], алгоритмы ценообразования остаются непрозрачными и недоступными для внешнего контроля.

Существенным ограничением является также отсутствие чёткого правового статуса платформенной занятости. В рамках действующего законодательства водители и курьеры рассматриваются либо как индивидуальные предприниматели, либо как самозанятые, что позволяет платформам избегать обязательств работодателя. Эта проблема носит системный характер и отражает более широкую трансформацию труда в цифровой экономике: «платформы способны превращать труд в товар, разбивая его на отдельные задачи и управляя им с помощью алгоритмов»[2].

Одновременно платформы извлекают выгоду из неопределённости правового статуса, сохраняя контроль над участниками рынка: «они получают контроль над условиями взаимодействия, зачастую не принимая на себя обязанности традиционных работодателей»[2]. Это создаёт асимметричную модель, в которой государственное регулирование не обеспечивает баланс интересов между платформами и работниками.

В более широком контексте платформенная экономика вписывается в процесс цифровизации государственного управления. В Беларуси реализуются элементы электронной инфраструктуры, включая платёжные системы и цифровые сервисы. Например, внедрение национальных решений в сфере цифровых платежей демонстрирует стремление государства контролировать финансовые потоки: система E-POS функционирует как «национальный механизм приёма безналичных платежей... регулятором — Национальный банк Республики Беларусь»[7]. Это указывает на тенденцию к созданию централизованных цифровых экосистем под государственным контролем.

Тем не менее, регулирование платформенной экономики сталкивается с рядом фундаментальных проблем.

Во-первых, наблюдается несоответствие законодательства динамике развития цифровых платформ. Нормативные меры носят реактивный характер и вводятся постфактум, что подтверждается оценками о «несоответствии действующего законодательства экономической реальности»[3]. Это приводит к тому, что регулирование либо запаздывает, либо носит избыточно жёсткий характер.

Во-вторых, отсутствует комплексный подход к регулированию платформ как особого института. Законодательство регулирует отдельные аспекты (перевозки, налогообложение, торговлю), но не учитывает специфику платформ как многосторонних рынков, основанных на данных и алгоритмах. В результате ключевые элементы — алгоритмическое управление, использование данных, сетевые эффекты — остаются вне правового поля.

В-третьих, усиление контроля сопровождается ростом административных барьеров, что негативно влияет на малый бизнес и занятость. Формализация деятельности через реестры и лицензирование

ограничивает доступ к рынку, снижает гибкость занятости и может стимулировать уход части участников в неформальный сектор.

В-четвёртых, сохраняется дисбаланс в регулировании: платформы как крупные цифровые посредники обладают значительными ресурсами для адаптации к новым требованиям, тогда как индивидуальные участники (водители, малые продавцы) несут основные издержки. Это усиливает структурное неравенство внутри платформенной экономики.

Таким образом, государственное регулирование платформенной экономики в Беларуси находится на стадии формирования и характеризуется противоречивостью. С одной стороны, предпринимаются попытки легализации и контроля цифровых платформ, включая создание реестров и признание доминирующего положения отдельных игроков. С другой стороны, отсутствие системного подхода и учёта специфики платформенной модели приводит к ограниченной эффективности регулирования и воспроизводству асимметричных отношений между платформами, работниками и малым бизнесом.

В перспективе требуется разработка комплексной нормативной модели, учитывающей особенности платформенной экономики, включая прозрачность алгоритмов, защиту прав работников и обеспечение конкурентной среды.

Дальнейшее развитие платформенной экономики в Беларуси будет определяться как внутренними институциональными условиями, так и глобальными тенденциями цифрового капитализма. При сохранении текущей траектории можно ожидать углубления платформизации ключевых отраслей — транспорта, торговли и услуг — с одновременным усилением роли крупных цифровых посредников. Однако такая динамика сопряжена с существенными структурными рисками, затрагивающими рынок труда, конкуренцию и устойчивость малого бизнеса.

Одним из ключевых направлений развития является дальнейшая концентрация экономической власти в руках платформ. Это обусловлено их способностью аккумулировать данные и использовать их для контроля над рынком. В рамках концепции «надзорного капитализма» подчеркивается, что «надзорный капитализм в одностороннем порядке присваивает человеческий опыт как бесплатное сырьё для преобразования в поведенческие данные... эти данные затем обрабатываются и превращаются в продукты прогнозирования» [8]. Таким образом, данные становятся стратегическим ресурсом, обеспечивающим платформам не только экономическое, но и институциональное доминирование.

В условиях Беларуси это может привести к усилению зависимости национального рынка от транснациональных платформ, контролирующих ключевые цифровые инфраструктуры. Отсутствие собственных крупных платформ усиливает данный эффект и ограничивает возможности государственного и экономического суверенитета в цифровой сфере.

Вторым значимым риском является трансформация рынка труда в сторону нестабильной и фрагментированной занятости. Платформенная модель предполагает переход от стандартных трудовых отношений к системе краткосрочных задач и заказов. Эта тенденция описывается следующим образом: «будущее может оказаться населено лишёнными прав работниками, которые перемещаются между платформами в поисках очередной краткосрочной подработки» [1]. Данный сценарий отражает риск формирования «прекариата», лишённого устойчивых доходов и социальных гарантий.

Вместе с тем платформы создают альтернативную модель занятости, основанную на гибкости и низких барьерах входа. Однако без соответствующего регулирования эта гибкость трансформируется в экономическую уязвимость. Возникает необходимость разработки механизмов социальной защиты, адаптированных к платформенной занятости, включая переносимые (portable) формы социальных гарантий.

Третьим направлением риска является снижение самостоятельности малого бизнеса. Маркетплейсы, с одной стороны, предоставляют доступ к широкой аудитории, с другой — формируют зависимость от инфраструктуры платформ. Это связано с тем, что платформы контролируют условия доступа к рынку, алгоритмы ранжирования и ценообразования. В результате малые предприятия теряют возможность автономного развития и становятся зависимыми от правил, устанавливаемых платформами.

Системный характер данной проблемы отражён в исследованиях регулирования: «отсутствие регуляторной базы ведет к злоупотреблению доминирующим положением, концентрации рыночной власти и недобросовестной конкуренции» [9]. Это указывает на прямую связь между институциональной неопределённостью и усилением рыночной концентрации.

Дополнительным риском является правовая фрагментация и отсутствие согласованного регулирования. В частности, отмечается, что «разрозненное регулирование... создает риски для цифровых платформ... отсутствие единого подхода порождает правовую неопределённость и увеличивает издержки для платформ» [9]. Для Беларуси это означает, что заимствование отдельных мер без системной интеграции может привести к снижению эффективности регулирования.

С учётом указанных рисков можно выделить несколько ключевых направлений совершенствования регулирования платформенной экономики.

Во-первых, необходимо формирование целостной законодательной базы, учитывающей специфику платформ как посреднических структур. Это включает разработку чётких дефиниций и разграничение ответственности между платформами и пользователями. Подчеркивается, что «регулирование платформенной экономики требует создания системной и единообразной законодательной базы,

учитывающей специфику деятельности цифровых платформ и интересы всех заинтересованных сторон» [9].

Во-вторых, требуется усиление антимонопольного регулирования, направленного на ограничение рыночной власти крупных платформ. Международный опыт показывает, что «в докладе были представлены доказательства антиконкурентного поведения доминирующих технологических компаний» [4], что актуализирует необходимость превентивных мер в национальном контексте.

В-третьих, важным направлением является регулирование алгоритмов и данных. Контроль за алгоритмическим ценообразованием и ранжированием должен стать частью правового поля, поскольку именно эти механизмы определяют распределение доходов и доступ к рынку.

В-четвёртых, необходимо развитие механизмов социальной защиты для платформенных работников. Это может включать создание гибридных форм занятости, сочетающих элементы самозанятости и наёмного труда, а также внедрение обязательных социальных взносов через платформы.

В-пятых, следует учитывать баланс между регулированием и инновациями. Избыточное вмешательство может привести к снижению эффективности платформ и ограничению предпринимательской активности: «чрезмерное регулирование... способно негативно повлиять на малый и средний бизнес и ограничить выбор потребителей» [9]. Следовательно, задача государства заключается в поиске регуляторного оптимума.

Игнорирование указанных проблем может привести к ряду негативных последствий. Во-первых, усилится монополизация рынков, что ограничит конкуренцию и инновации. Во-вторых, возрастёт доля нестабильной занятости, сопровождающейся снижением уровня социальной защиты. В-третьих, малый бизнес окончательно утратит самостоятельность, превратившись в зависимый элемент платформенной экосистемы.

Перспективы развития платформенной экономики в Беларуси носят двойственный характер. С одной стороны, она обладает потенциалом повышения эффективности и расширения экономических возможностей. С другой стороны, без системного регулирования существует риск закрепления модели, в которой экономическая власть концентрируется у платформ, а основные издержки перераспределяются на работников и малый бизнес.

Список использованных источников:

1. Sundararajan, A. *The Sharing Economy: The End of Employment and the Rise of Crowd-Based Capitalism* / A. Sundararajan. – Cambridge : MIT Press, 2016. – 256 p.
2. Srnicek, N. *Platform Capitalism* / N. Srnicek. – Cambridge : Polity Press, 2017. – 224 p.
3. Яндекс.Такси: алгоритмы платформы против водителей // https://www.solidarnast.info/ru/post/yandeks-taksi-algoritmy-platformy-protiv-voditeley. Электронный ресурс.
4. МАРТ изучил рынок маркетплейсов: на что жалуются белорусы // https://myfin.by/article/rynki/mart-izucil-rynok-marketplejsov-na-cto-zaluutsa-belorusy-41119. Электронный ресурс.
5. В Беларуси введён реестр перевозчиков такси // https://www.business-gazeta.ru/news/622496. Электронный ресурс.
6. Известному сервису такси запретили работать в Беларуси // https://sputnik.by/20250320/izvestnomu-servisu-taksi-zapretili-rabotat-v-belarusi--mintrans-poyasnil-1094660263.html. Электронный ресурс.
7. E-POS — система приёма платежей // https://raschet.by/biznesu/erip/e-pos/. Электронный ресурс.
8. Zuboff, S. *The Age of Surveillance Capitalism* / S. Zuboff. – New York : PublicAffairs, 2019. – 704 p.
9. Кошель А., Кузьминов Я. Поиск регуляторного оптимума цифровых платформ / А. Кошель, Я. Кузьминов. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 200 с.

UDC 338.1

THE DEVELOPMENT OF THE SHARING ECONOMY IN BELARUS AND ITS IMPACT ON THE LABOR MARKET AND SMALL BUSINESSES

Mahrov V.M., Vasilevskaya M.V.

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Republic of Belarus

Zhilinskaya N.N. – Candidate of Economic Sciences

Annotation. This article examines the sharing economy as a form of business organization based on digital platforms. It analyzes the nature of the platform model, the factors driving its emergence, and its impact on the labor market. Particular attention is paid to the development of the platform economy in Belarus, including an analysis of major platforms and their impact on employment, small businesses, and the competitive environment. It examines regulatory challenges, institutional constraints, and the risks of market concentration. It evaluates government regulatory measures and outlines prospects for development and directions for improving regulatory frameworks.

Keywords. Sharing economy, platform economy, digital platforms, marketplaces, quasi-monopoly, platform-based employment, algorithmic control, e-commerce, small businesses, network effects, digitalization, financial ecosystems, government regulation.